

Еще один важнейший момент в жизни и деятельности Патриарха Сергия то, что в тяжелейшие времена Великой Отечественной войны под его руководством все православное русское духовенство активно помогало обороне страны. Призывая к усиленной борьбе против захватчиков и к самоотверженному труду в тылу, архиереи и священники использовали все возможные средства для поддержания граждан. Многим из них даже удавалось проникать в лагеря и помогать там заключенным. Такая поддержка со стороны духовенства не могла не сказаться положительно, тем более, что вера в Бога в условиях войны была органически необходима. Русский народ воспринял духом, твердая вера, патриотизм, гражданский долг и любовь к своему народу – все это в первую очередь, стало фундаментом победы над фашизмом, а вовсе не военный талант и тактика.

В итоге следует сказать, что значение личности Сергия (Страгородского) сложно переоценить. Ему удалось соединить воедино историю Русской Православной Церкви до революции и после нее, сгладить и претерпеть все унижения и угрозы, но главное сохранить фундамент православной веры – апостольскую преемственность. Имея такого решительного и непоколебимого пастыря, верующие не боялись заявлять о себе и своей религиозности.

Все разделения, расколы и смуты, посеянные лукавым с целью ослабить Церковь Христову, постепенно изжили себя по мере того, как возвращались, или умирали, или отходили от активной деятельности их организаторы, и еще раз оправдались слова Спасителя о том, что врата адавы не одолеют Церкви. Именно благодаря патриарху Сергию Церковь Христова осталась жива в России, хоть и на Теле ее множество ран после стольких лет гонений. Он собственным примером показывал, что вера в Христа – не просто дань традиции, которую можно силой искоренить, но подлинное дыхание жизни, ее благодатный источник.

Литература

1. Бердяев Н. Вопль русской церкви. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – Москва.: Издательство РАГС. 1999. Стр. 250-255
2. Цыпин В. История Русской Церкви 1917—1997. Гл. VII.

ОТНОШЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ К ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И СВЕРЖЕНИЮ МОНАРХИИ

Почепцов Сергей Сергеевич
кандидат философских наук, доцент ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

Революционные события в России 1917 года затронули не только социальные, политические и экономические сферы жизни общества, но и коренным образом повлияли на её политику в сфере конфессиональных отношений. Изменения в отношениях между государством и религиозными институтами происходят ещё в начале XX века, в следствии принятия манифеста 1905 года о веротерпимости. Данный манифест предусматривал большую свободу действия инославным вероисповеданиям в Российской империи, чем вызвал неоднозначную реакцию со стороны представителей Православной церкви. Воспользоваться нововведениями стремились и представители католических общин, которые находились в достаточно стеснённом положении.

Нововведения в области государственно-религиозных отношений открывали, в том числе и для Католической церкви, новые возможности и перспективы по укреплению своих позиций в пределах Российской империи. По этому поводу католический священник Борен писал: «Начинается эра свободы. Мы уже видим зарю, которая занимается после принятия нового закона о веротерпимости. Этот закон – ещё не закон свободы, но он уже показывает, что государство отказывается использовать Православную Церковь как политический инструмент. Православные уже могут становиться католика-

ми, и таких много: русские католики создадут общину, которая – я в этом уверен – будет быстро расти» [1: 20]. Подобного рода оптимистичные настроения были обусловлены не только изменениями в законодательстве, но и резкой переменной в отношении к социалистическим движениям и монархии со стороны католицизма.

Вместе с тем, в середине XIX века, представители католицизма совсем иначе отнеслись к либеральным проектам и росту социальной активности в обществе. Распространение марксистских идей в Европе послужило толчком к резкому увеличению общественных движений, выступавших за социальные преобразования и либеральные реформы. Протестные выступления в странах Запада против правящих элит, сопровождались и очередной волной критики Католической церкви, как религиозного оплота монархических режимов. Реакцией на возросшее революционное движение в Европе стала энциклика Папы Пия IX (1846 - 1878) «*Qui Pluribus*», в которой «коммунизм был назван “чудовищной ересью” вместе с либерализмом, социализмом и масонством и заклеён как чумная зараза эпохи» [4: 19]. Подобная реакция папского престола была предсказуема и ставила своей задачей если не остановить, то хотя бы ограничить распространение марксистских идей среди европейского общества.

Однако, чем более марксистские идеи распространялись в Европе и России, тем сильнее становилась риторика официального Ватикана по отношению к ним. Как указывает Вим Род «в 1917 году в папских документах слово “коммунизм” избегали, и вместо него употреблялось выражение “большевики” и “большевизм»» [4: 19]. Такой разворот был обусловлен теми надеждами, которые возлагали в Ватикане на грядущие преобразования и возможные преференции, которые могла получить Католическая церковь в Российской империи. В какой-то мере эти ожидания воплотились, и связаны они были со свержением монархии и возникшей анархией в период деятельности Временного правительства.

Чем больше нарастал социальный и политический кризис в России, тем яростнее становилась критика папским престолом монархических форм правления. Примером тому может послужить следующий факт: «Июньский номер журнала [Новое время] за 1917 год опубликовал призыв “Общества поборников воссоединения Церкви”. Журнал рассматривал последние события как настоящее чудо и напоял слова Пия X, который назвал царскую власть “*gubernium diabolicum*”, – властью дьявола!» [4: 19]. Такая резкая критика самодержавия была обусловлена тем обстоятельством, что именно в самодержавии Ватикан видел основную причину крайне стесненного положения католиков в России.

Особо было отмечено в католических кругах событие отречение Николая II от престола. Католическая церковь двояко отнеслась к падению самодержавия. «С одной стороны, появилась эгоистическая радость за интересы Католической церкви» и надежда «на открытие новой эры свободы католицизма в России»; с другой – существовало некоторое сочувствие царизму, так как, по утверждению Бока, царизм являлся во многих внешнеполитических вопросах идейным союзником Ватикана» [Цит. по 2: 176] Однако, сочувствие католического священника Бока царизму, по сути, оставалось частным мнением, а радужные перспективы, сулившие католикам свержение царской власти, могли открыть для Католической церкви новые перспективы и возможности по распространению католицизма не только в западных, но и в центральных регионах страны.

В подтверждение данного тезиса приведем слова католического епископа Тираспольской епархии Кесслера: «Если бы царский режим не был свергнут, то Тираспольская епархия была бы уничтожена, уничтожены были бы и все немецкие колонии» [Цит. по 2: 176]. Сложно сказать насколько бы сбылись слова Кесслера, но следует отметить, что положение католиков в Российской империи было отнюдь не безоблачным. Помимо запрета принимать в католицизме представителей Православной церкви, католицизм в России при самодержавии сталкивалось с массой бюрократических заслонов. Без специального разрешения католики не имели права проводить свои крестные ходы, устраивать массовых мероприятий вне стен храма, католические епископы не могли без согласо-

ния с полицией свободно передвигаться по стране, осуществлять образовательную деятельность и проч. [4: 26].

Такое положение католической общины в России естественно не могло остаться незамеченным в Ватикане. Единственное, на что могли рассчитывать католики, это на изменение законодательства в части государственно-конфессиональных отношений, и на упразднение царского режима, который выступал оплотом русского православия. Так что отречение Николая II могло бы послужить не только к распространению католицизма в России, но активизировать попытки со стороны Ватикана привести русскую церковь к унии.

В этой связи не стоит удивляться тому, что официальный Ватикан, который в лице римских епископов в середине XIX века клеймил идеи коммунизма и социализма, и как следствие противопоставлял им идеи монархии, уже в первой четверти века XX спокойно отнесся к упразднению самодержавия в России. Н. Бок писал: «по поводу произошедших событий и свержения царской власти официальный Ватикан не высказал никакого сожаления» [Цит. по 2: 173]. Надо полагать что в Ватикане уже поняли, что события февраля 1917 года и отречение Николая II являются знаковыми событиями, а следовательно, в своей политике на территории России нужно ориентироваться на Временное правительство, которое к тому же активно боролось с царским наследием, взяв курс на либерализацию общества, в т.ч. и в конфессиональной сфере.

Свержение монархии практически сразу же открыло для Католической церкви новые возможности для укрепления своих позиций. Антуан Венгер в своей книге «Рим и Москва: 1900-1950» приводит выдержку из либерального издания начала XX века «Новое время». В нём, в частности, говорилось, что католическая церковь Святого Духа [в Санкт-Петербурге] долгое время оставалась закрытой. «Открытие её стало возможно лишь после отречения Николая II и падения самодержавия. Поэтому с неподдельной радостью журнал приветствовал в марте 1917 года приход к власти Временного правительства: «Слава великой свободной России! Слава освободителям! Жертвам революции – вечная память!»» [Цит. по 1: 83]. Открытие католических храмов указывало на коренные изменения в религиозной политике России, которые происходили в тот момент.

Описывая революционные события 1917 года и последовавшие радикальные изменения в отношении к инославлю со стороны Временного правительства, католический епископ Невё акцентировал внимание на создавшихся условиях. Он отмечал, что «самым положительным результатом русской революции, будет полная свобода совести, при которой малейшая попытка возврата к старому станет невозможной. “Вплоть до самого отречения Николая II двери России были закрыты на семь замков для католического апостолата. Паспортная система и целый арсенал драконовских правил, соблюдение которых было поставлено под надзор всемогущей полиции, делали практически невозможной свободу служения. Сейчас эти двери должны открыться, и поэтому нужно как можно лучше ознакомиться с ситуацией”» [1: 121]. Возникшие обстоятельства действительно способствовали укреплению католицизма, но это было бы невозможно без активного участия новых сил, которые пришли к власти в России.

Временное правительство всячески пыталось укрепить свои позиции, как внутри страны, так и на международной арене. Снизить расположение со стороны Ватикана, который мог повлиять на общее отношение к «новой России». Так, в рамках политики, направленной на утверждение свободы совести правительство Керенского «освободило арестованного Львовского греко-католического архиепископа Андрея Шептицкого и удовлетворило просьбу Святого Престола о возвращении монсеньора фон Роппа на должность Виленского архиепископа» [4: 26]. Всё это вселяло надежды на то, что положение верующих католиков вскоре существенно изменится к лучшему. Сам Шептицкий, впоследствии, «заявляя корреспонденту «Нового времени», что дни русской революции были одним из самых счастливых событий в его жизни» [1: 84].

Несмотря на приветствие революционных событий и преобразования в религиозной политике России, которые, по мнению католического епископата, должны были, как

минимум, облегчить жизнь католиков в России, папский Престол предпринимал активные попытки по освобождению царской семьи. «Н. Бок, занимавший во время революции должность секретаря российской миссии при Святом Престоле, рассказывал о попытках статс-секретаря кардинала Гаспарри спасти царскую семью. Святой Престол был готов принять её в Ватикане или в Кастельган-дольфо, и нунцию в Мюнхене монсеньору Пачелли было поручено через прусского посла графа фон Мирбаха передать это предложение Советам» [1: 127]. Такой шаг мог быть обусловлен политикой «двойных стандартов», которую проводил Ватикан для достижения своих целей. Если бы этот проект осуществился, то, безусловно, это повысило бы авторитет римской церкви в глазах сочувствующих монархии. Тем более, что после прихода к власти большевиков, в русской церкви начались расколы и нестроения, и в этой ситуации, не исключено, что часть православных искало бы покровительства римского понтифика. Тем более, что такие примеры были среди представителей русской эмиграции [3].

После революции октября 1917 года и начавшихся преследований на религию в России, стало понятно, что улучшения положения католиков ждать не приходится. В связи с этим вновь меняется позиция Ватикана в отношении власти большевиков. Теперь «Святой Престол полагал, что большевизм можно рассматривать как преходящее явление» [4: 19]. Однако, папа Пий XI верил, что всё-таки возможно переломить ход событий. Так, «во время Генуэзской конференции Пий XI без малейших колебаний призвал бывших победителей [в Первой мировой войне] принять коммунистическую Россию в Сообщество наций» [1: 8].

Как известно, впоследствии, свержение монархии в России и приход к власти большевиков не принесли Католической церкви желаемых результатов. Наряду с православием, гонениям в Советской России подверглись и представители других конфессий. Религиозные свободы, на которые так рассчитывали в Ватикане, очень скоро были упразднены. Лояльность представителей Ватикана к русской революции вновь сменилась критикой большевизма и коммунизма, как угрозы не только христианству, но и всему человечеству. Вместе с тем, представители Католической церкви не утратили надежды на унию с православной церковью. Теперь их усилия были направлены на тесное сотрудничество с представителями РПЦЗ, путём их активного включения в сферу экуменических процессов. Играя на свершившемся расколе Русской церкви, Ватикан не отставлял попыток привести «восточных схизматиков» к унии.

Литература

1. Венгер А. Рим и Москва: 1900–1950 / Пер. с фр. Д.В. Власова. – М.: Русский путь 2000. – 616 с.
2. Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. – Саратов: Поволская Академия государственной службы 2001. – 384 с.
3. Религиозные деятели русского зарубежья [Электронный ресурс] // режим доступа: http://zarubezhje.narod.ru/av/b_230.htm
4. Роод Вим. Рим и Москва. Отношения между Святым престолом и Россией/Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. / Пер. с нем. Ю. Авакумова. – Львов: Монастырь Монахов Студийского Устава, "Свичачо", 1993. – 279 с.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА БЕЛГОРОДЧИНЕ В 1917-1930 ГГ.

Ирина Александровна Страхова
кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

В 1-й пол.-сер. XIX в. главным источником обеспечения приходского клира Белгородчины, в частности, сельского, были платы за требы и традиционные пожертвования. В конце 30-40-х гг. «были определены нормы пожертвований и повинностей прихожан, которые были обязаны строить дома для причта, духовенство переводилось на жалованье.